

УДК 141.5:17.021.2

О НЕОЧЕВИДНОСТИ НАШЕЙ ГОТОВНОСТИ К ВЫБОРУ И ОВЛАДЕНИЮ СОБСТВЕННОЙ ПРИРОДОЙ

З.З. Ибрагимова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье исследуется одна из глубинных задач культуры, открытая ещё в античности и не перестающая волновать человеческие умы, – создание таких предпосылок существования, при которых человек мог бы полноценно ощущать себя сопричастным, тождественным собственной природе. Однако вопрос о человеческой сущности, многократно трансформируясь в различные формы, так и не получил окончательного разрешения. Серьёзные попытки его прояснить отразились в древнегреческой и древнеримской пайдейе, философии Нового времени, философии жизни, экзистенциализме и постмодернизме.

Смысл вопроса об овладении собственной природой, имея мощный образовательный пафос, соотносится с проблемами понимания свободы, распознавания в себе этического человека, открытости к правильному жизненному выбору, принятия предназначения. Иррациональное начало в человеке, его телесность являлись не только фундаментальными источниками владения собственной природой, но и своего рода гарантиями бытия, которое всегда иллюзорно и подчас враждебно человеку. Разум, в свою очередь, ведёт незаметную работу по укоренению гуманистического начала в человеческой природе. Практики заботы о себе – внутренние ценностные начала, духовный опыт, цельность, полнота – создают ясные и простые для человеческого существа смыслы. Таким образом, непонятен исход противостояния человека с самими собой за уникальные минуты выбора, владения собственной природой, высвобождения своей самости. В эти моменты бунта мир всегда поставлен под вопрос.

Ключевые слова: выбор, культура, пайдейя, свобода, овладение природой, индивид, разум, человеческое начало, забота о себе

Тезис нашего рассуждения вытекает из наиболее типичных представлений о *природе человека*, которая определяется философией как «понятие, выражающее естественную порождённость человека, его родство, близость со всем сущим, и прежде всего, с “жизнью вообще”, а также всё многообразие собственно человеческих проявлений, отличающих человека от всех иных форм сущего и живущего» [1]. *Методологическую основу* исследования составляет положение о триединстве человеческой сущности, включающей телесность, душевность и духовность. Не делая акцента ни на одной отдельно взятой ипостаси, мы обратимся к конкретному аспекту, а именно к проблеме выбора¹

¹ Под этим понятием подразумевается имеющее смысло-жизненное значение самоопределение человека, концентрация всех его физических и духовных возможностей на единственно правильном решении.

и овладения человеком своей собственной природой. Соблазн рассмотреть каждую из заявленных сторон ведёт, на наш взгляд, к схематичному представлению феномена человека, весьма далёкому от его «живого» знания. Хотя, конечно, все три ипостаси в разных сочетаниях неминуемо будут нами отмечены, речь пойдёт об овладении этим единством, которое не есть механическая сумма составляющих его компонентов.

Ускользящая, противоречивая, стремящаяся к самоидентификации, но никогда не достигающая её сущность человека является *объектом* нашего исследования. Между тем *предмет* изучения находится в метафизическом смысловом поле: нас интересует неочевидность человеческой готовности к выбору и овладению собственной природой. Это, видимо, даже не гипотеза исследования, а тезис, требующий доказательств.

Неочевидность мы понимаем не в негативном свете, а скорее как противоречие, проблему, явившуюся результатом не только внутренней логики развития теоретических представлений о природе человека. Отметим: вся предыдущая, впрочем, и последующая история земной цивилизации обнаружила непозволительную роскошь не знать возможности и изъяны человеческого естества. Сама формулировка *овладение собственной природой* – дань традиции Нового времени, когда природе человека приписывались свойства всеохватности, неограниченности, безмерности. К счастью, бытие внесло свои коррективы в этот безотчётный оптимизм. Сейчас мы с осторожностью спрашиваем о неочевидности, но не от разочарования человеческими потенциями, а из-за чувства опустошённости, сомнения в отношении этих потенций.

Сказанное вовсе не отменяет нашей стратегической цели – выяснить, если говорить словами Й. Хёйзинга, «как обстоит дело с овладением человеческой природой? <...> Овладение человеческой природой может значить лишь одно: человечество, которое владеет собой, лично каждый индивидуум. Владеет ли собой современное человечество? <...> Не кажется ли нам скорее, что человеческая натура, пользуясь свободой, которую принесло ей господство над материальным миром, отказывается подчинить себе себя самоё и отвергает все те завоевания духа, что казались ей превосходящими природу?» [2].

Настоящее исследование имеет несколько *задач*: 1) скорректировать понимание традиционных, неклассических и постнеклассических представлений о неочевидности готовности человека к выбору и овладению собственной природой; 2) обозначить причины нашего осторожно-оптимистического отношения к пониманию человеческой природы; 3) ответить на вопрос о том, обладает ли человек «властью над своей властью» [3, с. 283].

Исследование проведено в жанре рефлексии. В нём представлен экзистенциальный опыт обыденной и великой истории общества, сопоставлены наши современные интуиции и оценки с философским наследием, помогающим выстраивать методологию проблемы.

Необходимость овладения своей природой открылась человеку одновременно с представлением о бытии. Исторически важной вехой стало появление *пαιδεία* (от греч. *παιδεία* ‘формирование ребёнка, образование, воспитанность, культура’) – понятия античной философии, означающего универсальную образованность [4]. Её смысл сводился к утверждению принципов калокагатии

и пафосу созидания свободного и образованного гражданина как условия формирования сильного государства. При этом на протяжении истории стремление человека к овладению своей природой постоянно коррелирует с принципом свободы. Воспользовавшись синергетической методологией, скажем, что неизменным аттрактором, или целью (а их в открытой социальной системе может быть много), культуры как системы является развитие богатства личности, высвобождение в человеке скрытого созидательного начала, осознание собственной сущности через свободное существование. Однако трагичность заключается в том, что деструктивным потенциалом человеческой природы овладеть невозможно. Такое понимание свободы ставит под сомнение саму возможность существования как отдельного индивида, так и всего человечества. *Неочевидность* есть постоянно воспроизводящаяся, пробивающая себе дорогу хаотичность бытия, вечное становление (фюзис) *очевидного* идеала.

Ветхозаветная история о первородном грехе повествует о том, как люди сами отринули себя от Бога, потеряв полноту бытия, создав чудовищный разлом между собой и остальным миром – природой. Но это вовсе не значит, что власть человека над окружающей природой абсолютно аналогична его власти над природой собственной. Ветхозаветный мир, скорее, выстроен по принципу контраста, он мозаичен, лишён изначальной целостности. Кстати, все мифы содержат идею власти хаоса над гармонией, красотой. Последняя приходит в мир достаточно поздно, вбирая в себя смыслы ужаса, коварства, лжи, смерти.

М. Хоркхаймер и Т.В. Адорно связывают отделение разума от природы с периодом мифологического прошлого [5]. Подобная мысль звучит у А.И. Немировского [6], А.В. Ахутина [7]. По мнению учёных, природа представлялась древнему человеку живым существом, которому нельзя причинять боль. Однако в последующем произошло абсолютное подавление архаического трепета и привязанности, что выразилось в господствующем положении разума над природой. При этом более доступной для познания оказалась внешняя природа, невозможность же доподлинно познать природу собственную вызвала у человека противоречивую реакцию, ведь всё неизвестное порождает дискомфорт, страх и бессилие.

Авторы «Диалектики Просвещения» последствия бессилия разума видят в тоталитарной идеологии, культе сильной личности и, конечно, фашизме [5]. Причины распространённости этих феноменов объясняет К.Г. Юнг, который считает, что в некоторые моменты архетип тени, воплощающий подавленную, тёмную, животную сторону личности, может стать определяющим в структуре человеческой психики [8]. Будучи самым несвободным, загнанным в силу своей неприглядности и несостоятельности, это человеческое начало иногда парадоксально оказывается более мощным, пусть даже в течение небольшого исторического промежутка. Оно провоцирует социально неодобряемые явления, искажает образы и цели, ведёт к тотальному, бессмысленному человеконенавистничеству, к фатальной отброшенности от основ самой жизни. Вряд ли это можно назвать результатом трагических коллизий одной или нескольких личностей. Роль социальных факторов непредсказуема. Общество выступает фоном для раскрытия, высвобождения всего теневого, запретного. При этом нарушение устоявшихся цивилизационных, консервативных границ нередко приводит к кардинальному пересмотру социальных отношений.

Впрочем, представители ряда социологических школ (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, П.Д. Павленок и др.) достаточно убедительно настаивают на существовании объективных социальных причин девиантного поведения. Так, даже если индивид не уверен в необходимости совершения каких-либо значимых общественных поступков, то в массовом движении он может рискнуть и проявить себя, позволить себе стать инструментом, посредством которого обнаружится его энергия и предназначение. Очевидно, в большинстве своём люди не готовы обозначить свою природу в социальном пространстве. Э. Фромм безошибочно указал на отсутствие абсолютного стремления всех к свободе и власти над собой [9]. *Каким же мощным проявлением человеческого духа должна быть цель достижения свободы, чтобы индивид мог презреть свой страх, ужас перед бытием?* Правда, об этом сказано много и хорошо. В частности, В.И. Несмелов отмечает: «Основное содержание человеческой личности заключается в сознании человеком себя самого как единственной причины и цели всех своих произвольных действий» [10]. Поэтому ни один социальный проект не имеет ни малейшего смысла, если в нём не учтён человек, если он является лишь средством. «...Быть свободным и разумным, – пишет философ, – значит быть таким существом, которое все условия своей деятельности имеет *в себе же самом* – в глубине собственного ведения и в полноте собственной силы, значит быть таким существом, которое имеет силу и власть *из себя самого* ставить и осуществлять все свои цели, это значит – *быть существом безусловным*» [11]. По этому поводу высказывался и Й. Хёйзинга, утверждающий, что никогда культуру не назовут высокой, если она немилосердна [2].

Наши рассуждения пока обречены на признание непредсказуемости человеческой сущности, вызывающей чувства страха, вины, стыда и т. п. Однако это не помешало сформировать концепцию происхождения западной цивилизации. Зададимся вопросом: а была ли вообще какая-либо абсолютная уверенность в особом значении природы человека в истории?

В одной из работ мы уже отмечали, что в XX столетии власть над природой человека прочно связывалась со свободой, точнее, с попытками самоопределения по отношению к ней [12]. История начала XX в. показала призрачность осуществления гуманистических ценностей. Тем не менее определённый оптимизм вызывает современное осмысление гуманизма, его неформальных источников. В любом случае гуманизм согласуется с античной установкой на самопознание – признанием того, что в человеке есть нечто, изначально призванное его оберегать, направлять, но оно скрыто глубоко за цивилизационными «поясами». Отчего эти внутренние авторитеты запряжаны столь глубоко, что их нужно показательно искать в себе, иначе можно потерять человеческое лицо? Пожалуй, мораль, будучи, достижением культуры, не позволяет людям быть несвободными (см. [13]), но разве не она заставляет нас испытывать потрясения и угрызения, «недовольство культурой»²? Значит ли это, что неочевидность нашей готовности к выбору и овладению своей природой связана с тотальностью культуры, невозможностью выйти за пределы человеческой данности? Заметим ещё раз: не все могут почувствовать собственную природу,

² Так назван трактат З. Фрейда, опубликованный в 1930 г.

для некоторых это невыносимо. Задача заключается в том, чтобы понять проблемы самоидентичности, идентичности³ и сохранить при этом смысл человеческого существования.

Такое человеческое существование предстаёт как персонификация общественного состояния, вернее, как метастаза кризисности, ущербности общечеловеческих установок культуры, пусть даже некогда великой. Культура обречена всегда доказывать свою состоятельность, но смыслонаполненность её может быть весьма безуспешной. По мнению М. Хайдеггера, мы только приступаем к тому, чтобы начать мыслить, – к делу философии. Но тот факт, что нам не удаётся этого добиться, наводит на мысль: бытие с самого начала отвернулось от человека, который пытается повернуть к себе то, что показало свою неуволимость, катастрофическую неуязвимость [14]. Будет уместно вспомнить греческую легенду о царе Мидасе, который долго преследовал мудрого Силена, чтобы узнать: «что для человека наилучшее и наипредпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царём, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: “Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать тебе то, чего полезнее было бы тебе не слышать? Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству для тебя – скоро умереть”» [15]. Здесь трагизма не меньше, чем в высказывании Хайдеггера, но есть бесконечная вера в разум, могущая спасти человеческую тщету. И страшный хохот Силена нас уже не так страшит. Мы знаем. А это уже в античности признавалось символом власти. Мистической.

Между тем М. Хайдеггер настойчиво повторяет: мы не готовы к осмыслению того, что «более всего требует осмысления» [14]. Возможно, эта неготовность, неумение, бессилие мыслить мешают человеку понять свою природу. Но у нас нет уверенности в том, что это осознание вообще произойдёт. Реальность стала чужой, враждебной, пугающей с момента нашего собственно человеческого пути. Мировоззрение – спасительный дар, полученный в обмен на изгнание из прекрасного, но нечеловеческого мира.

Отметим, что на протяжении истории не раз рушились надежды на скорое разрешение вопроса о человеческой сущности. Так, Р. Гвардини пишет: «Человек нового времени убеждён, что он стоит, наконец, лицом к лицу с действительностью и теперь ему должны открыться все источники бытия. Энергия разгаданной им природы сольётся с его собственной энергией, и всё заживёт, наконец, полной жизнью. Разные области познания, деятельности и творчества будут развиваться каждая по своим собственным законам, примыкая одна к другой, и в конце концов вырастет некое ослепительное целое – “Культура”: в ней человек и реализует себя полностью» [3, с. 276]. Однако радость была недолгой: культура показала свою регрессивность и заставила человека Просвещения ещё внимательнее *вглядеться* в лицо действительности.

Вся последующая история подтвердила легковесность оптимизма в отношении разгадки человеческой природы. Каких только ипостасей не обнаруживал

³ Ср., например, отношение к внутренней жизни и культуре античного философа Стильпона из Мегары, который, потеряв имущество при разгроме дома во время военных действий, заявил: «Никто не сумел похитить моей Пайдеи».

в себе человек, но продвинулись ли мы вперёд, утверждая всю его значимость? Самого главного, пожалуй, человечество не оценило в себе, а именно того, что человек – это «лицо, наделённое дивной и страшной свободой – сохранить мир или разрушить его, утвердить и наполнить самого себя или же бросить на произвол судьбы и погубить. И последнее – не как необходимый элемент в некоем надличном процессе, а как нечто действительно негативное, необязательное и глубоко бессмысленное» [3, с. 279]. Как видим, безграничность свободы может тоже привести в ужас. Стало быть, *мы не только не готовы к тому, чтобы приподнять крышку ящика Пандоры – мы боимся, что его содержимое может нас просто погубить*. Это прозрение было очень важным накануне XX в. – времени неисчислимых человеческих жертв. Но оно никого не могло спасти, так же как сократовская мудрость, по словам И.Г. Гердера, была не в силах спасти великую древнегреческую цивилизацию [16, с. 375]. Вероятно, человек должен пройти все исторические ступени ужаса, дарованного свободой.

Что может остановить этот бессознательный и вечный путь ошибок? Возможно, конец ему положит обретение человеком своего лица, которое, по мысли Р. Гвардини, есть «неотъемлемость достоинства, незаменимость в ответственности... Как ни странно это звучит, но та же самая масса, которая несёт в себе опасность абсолютного порабощения и использования человека, даёт ему также и шанс стать вполне ответственным лицом. Так или иначе, но перед человеком сейчас встают задачи внутреннего освобождения, самозакаливания перед лицом всё разрастающихся чудовищных безличных сил (Es Machte) – задачи, которые мы едва начали сознавать» [3, с. 271]. Отметим, что в понимании Р. Гвардини человеческая природа просто немислима без присутствия в ней Бога, напоминающего человеку о его конечности.

Практически вся философия XIX в., точнее её иррационалистическое крыло, непременно рассматривает свободу как цель культуры, причём это касается как материальных, так и идеальных феноменов. Р. Гвардини связывает свободу с властью «над сущим – вещами и людьми» и замечает, что «современный человек не дорос до правильного распоряжения властью, более того, он даже не осознаёт проблемы... Это означает, что непрерывно возрастает возможность злоупотребления властью. Поскольку подлинной и действенной этики распоряжения властью до сих пор нет, усиливается склонность рассматривать такое распоряжение как своего рода природный процесс, для которого нет норм свободы, а существуют лишь некие требования пользы и безопасности, считающиеся необходимыми» [3, с. 280]. Слова Р. Гвардини об отсутствии у человека «власти над своей властью» получают в нынешнем постхристианском обществе современную трактовку: «...Концепт выбора можно сформулировать как задачу нахождения такого социального инструмента, который бы позволил обеспечить новый способ власти над властью» [17].

Проблема человеческой природы в XX в. наполняется особым онтологическим смыслом. Конечно, он исходит из экзистенциальной трактовки человека как «незавершённого проекта». Неочевидность готовности принять свою природу вполне уместна, если последняя ещё не стала реальностью, подлинностью. А может и не стать. Ощущение неполноты порождает чувство неуверенности в наших намерениях познать себя, сделать нужный (?) выбор, овладеть

собственной сущностью. По словам Х. Ортеги-и-Гассета, потребность человека в философии сравнима с потребностью в целом. Но ведь нам открывается лишь фрагмент мира, и мы с сожалением осознаём, что всё в нём есть недостаток полноты. И мы чувствуем этот изъян. Человек видит стрелу, но не видит руки, её пославшей. «Рубец онтологического увечья» – признание того, что нам доступна только часть [18]. Особенность человеческой природы – в её нереализованности, сокрытости, неочевидности до конца наших дней. Грустно? Нет. Ведь есть перспектива. В этом и состоит весь оптимизм, вся прелесть непрожитой будущности. Человек может овладеть собственной природой, лишь воссоздав целостность (ср. один из диалогов Платона [19, с. 189–194]). Какой же была эта изначальная полнота бытия? Как расщеплённая, атомарная субстанция? А если её вообще не существовало?

Колоссальная картина познающей природы человека представлена в размышлениях М. Фуко (см., например, [20]). Философ противопоставляет две важные составляющие единой сущности: стремление познать себя в сократовском духе и практическую задачу заботы о себе, которая и инициирует желание к познанию. Долгое время стремление человека к познанию (пайдейе, идее справедливости, сильного государства) доминировало над контекстом заботы. Незаслуженно забытыми оказалась духовная практика, «в которой человек, чтобы получить доступ к истине, должен глубоко преобразовать себя» [21]. Напомним в связи с этим слова Э. Фромма, который связывал власть над властью с подчинением «интериоризованным авторитетам, таким, как долг и совесть, либо анонимным авторитетам вроде общественного мнения» [9, с. 21].

Судя по всему, исследовательские задачи совершенно точно вывели нас на предполагаемые выводы. Во всяком случае, результаты проведённого анализа не поменяли нашей сдержанно-критической оценки природы человека, а также продемонстрировали неочевидность готовности к выбору и овладению этой природой. Более того, угол зрения приобрёл обострённую политическую окраску: жизненный выбор человека во многом сопряжён с образованностью, справедливостью, что в соответствии с пайдейей мыслилось как условие существования сильной власти, сильного государства.

Таким образом, однозначно влияние двух факторов на проблему неготовности человека овладеть собственной сущностью. Во-первых, многогранная природа человека не успевает реагировать на постоянно меняющийся, непредсказуемый социальный контекст как на серьёзный вызов истории, в связи с чем возникает проблема сохранения общечеловеческих ценностей. Во-вторых, сама идея готовности человека к выбору, к овладению собственной природой ущербна и неубедительна. Но, возможно, эти упреки адресованы человеку? Полагаем, что перспективным будет обращение к традициям психоанализа, в котором пока не выработано позитивно-оптимистического образа природы человека, а потому у последнего возникает страх и ужас перед ней. В то же время религиозная философская традиция сформулировала вполне ожидаемый ответ: путь ошибок будет продолжаться до тех пор, пока в жизни человека не найдётся место Богу. Но разве это единственный ответ на наш вопрос?

Литература

1. Природа человека // Философский словарь. – URL: <http://www.philosophydic.ru/priroda-cheloveka>, свободный.
2. Хёйзинга Й. Основные условия культуры // Хёйзинга Й. В тени завтрашнего дня. – URL: <http://www.mnemosyne.ru/library/huizinga-4.html>, свободный.
3. Гвардини Р. Конец философии нового времени. 1954 / Пер. с нем. Т.Ю. Бородай // Феномен человека: Антология / Сост. П.С. Гуревич. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 240–296.
4. Пайдейя // Античная философия: Энцикл. сл. – URL: <http://endic.ru/phyantich/Padeja-179.html>, свободный.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Экскурс I. Одиссей или миф и просвещение // Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. – М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997. – С. 61–103.
6. Немировский А.И. Откуда пошёл, как был организован и защищён мир. – URL: <http://www.litmir.me/br/?b=66420>, свободный.
7. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). – М.: Наука, 1988. – 208 с.
8. Архетипы // Карл Густав Юнг и аналитическая психология. – URL: <http://www.jung.psy4.ru/arc.htm>, свободный.
9. Фромм Э. Бегство от свободы // Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – С. 7–302.
10. Несмелов В.И. Формация живого мировоззрения // Несмелов В.И. Наука о человеке: в 2 т. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/nesm16.html, свободный.
11. Несмелов В.И. Онтологическое основание и смысл идеи спасения // Несмелов В.И. Наука о человеке: в 2 т. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/nesm22.html, свободный.
12. Ибрагимова З.З. Овладение человеком своей природой как возможность выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: Материалы Всерос. науч. конф. (М., 27–28 окт. 2015 г.): в 3 т. – М.: Науч. мысль, 2015. – Т. 1. – С. 86–91.
13. Кант Иммануил // Философская энциклопедия. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/493, свободный.
14. Хайдеггер М. Что значит мыслить? – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/_Musl.php, свободный.
15. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. – URL: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_0010.shtml, свободный.
16. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 704 с.
17. Киселева М.С. Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах // Вопр. философии. – 2013. – № 12. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=864&Itemid=52, свободный.
18. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/filosofia.txt>, свободный.
19. Платон. Пир // Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 172–223.
20. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
21. Ахутин А.В. Забота о себе – познание себя у позднего М. Фуко. Критический анализ. – URL: http://antropolog.ru/doc/projects/antropseminar_2/achutin, свободный.

Поступила в редакцию
14.06.16

Ибрагимова Зульфия Зайтуновна, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Zulfiya.Ibragimova@kpfu.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 4, pp. 1154–1162

On the Non-Obviousness of Our Readiness for the Choice and Mastering of Our Nature

Z.Z. Ibragimova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: Zulfiya.Ibragimova@kpfu.ru

Received June 14, 2016

Abstract

The paper discusses the problem of how humans master their nature, as well as their willingness to make the right life choice. The object of this research is the human nature, contradictory and striving for self-identity, while the subject is the non-obviousness of our readiness for choice and mastering of it. The problem was formulated based on the question raised by J. Huizinga: does the modern humankind act as its own master? The methodological basis of the research is the assumption on human nature trinity, i.e., corporality, soulfulness, and spirituality. The following tasks are fulfilled during the research: to refine the understanding of traditional, non-classical, and post-non-classical views on the non-obviousness of our readiness for choice and mastering of our nature; to identify the reasons for the author's cautiously optimistic attitude to understanding of the human nature; to answer the question of whether humans have control over their power.

The results of the analysis demonstrated the non-obviousness of readiness of humans to choose and master their nature. Furthermore, the problem gained a political overtone: the life choice of humans is associated to a large extent with education, justice, which was conceived as the essential condition for the existence of a strong state. The influence of two factors on the problem of unreadiness of humans to master their nature was revealed. Firstly, the multifaceted human nature does not have enough time to respond to the constantly evolving and unpredictable social context as to the serious challenge of history. Thus, the problem of preserving the universal values appears. Secondly, the very idea that humans are ready to choose and master their nature is lame and unconvincing. As supposed, it would be promising to appeal to the traditions of psychoanalysis, which has not yet developed a positive-optimistic image of the human nature, thereby awakening the fear of it in humans. At the same time, the religious philosophical tradition formulated the obvious answer: errors will continue until there is room for God in the human life. Nevertheless, is this really the only answer to our question?

Keywords: choice, culture, Paideia, freedom, mastering of nature, individual, mind, human nature, taking care of oneself

Для цитирования: Ибрагимова З.З. О неочевидности нашей готовности к выбору и овладению собственной природой // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 4. – С. 1154–1162.

For citation: Ibragimova Z.Z. On the non-obviousness of our readiness for the choice and mastering of our nature. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 4, pp. 1154–1162. (In Russian)